

Роман Круглов

ЖАЖДА ВЫСШЕГО СМЫСЛА

(Христианские темы и мотивы
в современной русской литературе)

1. Литература и религия

Религия изначально связана с литературой теснее, чем с другими видами искусства. Религиозные смыслы, как и всякие другие, существуют, прежде всего, в языке, одной из форм существования которого является художественная литература. В христианской традиции слову отводится особая роль («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1)). Священное Писание, помимо прочего, — литературный памятник, в значительной степени определивший пути развития евроатлантической культуры и продолжающий на нее влиять. Словесность и религия изначально нерасторжимо взаимосвязаны, это особенно характерно для нашей страны. «Литературно-художественное творчество и религия в России, по мнению большинства исследователей, всегда имели более тесные и напряженные отношения, чем в западных культурах»¹. Ценностное ядро литературоцентричной русской культуры в наши дни, как и прежде, определяется православной традицией, которую, в первую очередь, мы и будем иметь в виду, говоря о религии.

Взаимосвязь литературы и религии в тот или иной исторический период подразумевает, в широком смысле, степень их взаимовлияния и природу их взаимодействия, в узком смысле — значение религиозных тем и мотивов в художественных текстах. В современной России (и Западном мире) в связи со светской организацией общества художественная литература существует, главным образом, отдельно от религиозной. Разумеется, религиозная литература выполняет, помимо прочих, и эстетическую функцию, а художественная литература может выполнять некоторые функции религиозной — границы зачастую размыты, это обусловлено оговоренной выше тесной взаимосвязью того и другого. Мы будем исходить из того, что религиозной является литература, признаваемая за таковую церковью.

¹ Золотухина О.Ю. Особенности изучения проблемы «Христианство и русская литература» в современной российской филологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://transformations.russian-literature.com/osobennosti-izuchenija-problemy-hristianstvo-i-russkaja-literatura-v-soveremennoj-ros-filologii> (дата обращения: 17.10.2014).

В основном церковь в современной России остается традиционной, и влияние на нее литературы (как и других видов искусства) возможно в той степени, в которой совпадают их цели и задачи. Воздействие нецерковной литературы на религию определяется деятельностью верующих писателей, утверждающих в своих книгах традиционные ценности. Их творчество зачастую положительно оценивается церковью; лишь частный тому пример — Всероссийская православная литературная премия имени Александра Невского, среди лауреатов которой — А.А. Тахо-Годи, С.Ю. Куняев, Ю.М. Лошиц, А.Л. Казин и т.д.

Влияние церкви на литературу в современной культуре России нельзя назвать систематическим, основополагающим, однако закрепленные в православной традиции ценности в подавляющем большинстве случаев являются константными как для писателей, так и для читателей. Это обусловлено, главным образом, самой национальной ментальностью; воцерковленные участники литературного процесса не составляют большинства и не играют в нем ведущей роли. Поэтому в контексте заявленной темы имеет смысл рассматривать, прежде всего, интерпретацию религиозных тем и мотивов в современных (постперестроечных) нецерковных русскоязычных художественных произведениях.

2. Происхождение современной литературы: наследие XX века

Прежде чем приступить к этому вопросу, необходимо кратко рассмотреть в контексте нашей темы генезис нынешнего литературного процесса. Он непосредственно связан с периодом перестройки, а также с последними десятилетиями существования Советского Союза. Во многом именно в поздней советской литературе сформировались основные особенности, определяющие своеобразие литературы начала XXI века.

Возможно, самой значительной переменной в советской литературе, происшедшей в середине и второй половине столетия, стало усиление тенденции возвращения к религиозно-нравственной традиции. Эта переменная может быть рассмотрена как закономерное следствие глобальных изменений в человеческой культуре, поскольку аналогичные процессы происходили и в других странах мира. Реакция на Вторую мировую войну, подытожившую эпоху модерна, в западной литературе выразилась в творчестве экзистенциалистов, постмодернистов, битников и т.д. В Советском Союзе в модернистских ценностях усомнились авторы лейтенантской и лагерной прозы, «мифологического» направления и т.д. Очевидна разница между путями западного и русского послевоенного искусства, однако в обоих случаях исходным импульсом художественных и философских исканий стал крах модернистских доктрин. Во многом этим объясняется сходство послевоенной литературы разных стран. Например, в русской лейтенантской прозе, как и в литературе французского экзистенциализма, центральное место зачастую занимает проблема неоднозначного этического выбора — проблема, как никогда остро поставленная перед человечеством Второй мировой войной.

В рамках советской послевоенной литературы характер и векторы переосмысления модерна чрезвычайно многообразны (антигосударственные выступления диссидентов, тема вины человека перед природой в творчестве писателей-деревенщиков и т.д.). Однако наличествует и общая тенденция: литература зафиксировала, что на смену строителю социализма («...вместо сердца — пламенный мотор» (П. Герман, «Авиамарш», 1923)) пришел человек сомневающийся и кающийся. Безусловно, это обобщение: идеологический климат эпохи не может изменить основ человеческой природы. Мучается сомнениями и Левинсон в повести А. Фаде-

ева «Разгром» (1926), однако в центре внимания автора — модернистская диалектика становления нового человека и общества. Мотив предательства в повести Фадеева раскрывает представление о чуждости интеллигента Мечика революции, о его неспособности к перековке в нового человека. Мечику противопоставляется «успешно перековавшийся» Морозка, у которого нет иного пути, кроме революции («Уйти из отряда мне никак невозможно...») — совершаемый выбор, изображенный с психологической достоверностью, обусловлен социальным происхождением героев.

В повести В. Быкова «Сотников» (1970), где тоже действуют русские партизаны, сражающиеся с превосходящими силами противника, главной темой является мученическая смерть одного солдата и предательство другого. «Советский Иуда» партизан Рыбак, согласившийся стать полицаем, расстрелять своего товарища и других пленных, понимает, что ему больше нигде на земле нет места — он преступил нравственный закон и тем самым отрезал себя от человеческого мира. Окончательно расставлены смысловые акценты в финале повести, в котором Рыбак пытается прервать опустылевшую ему жизнь, повесившись на ремне в отхожем месте, но, откликнувшись на зов полицейского начальства, оставляет попытку (наказание Рыбака еще только началось). Бывший боевой офицер В. Быков, по сути, интерпретировал на хорошо знакомом ему военном материале евангельскую историю о распятии — убийца Рыбак противопоставляется Сотникову, совершившему подвиг самопожертвования («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15.13)).

Приведенное сравнение двух повестей иллюстрирует тенденцию изменения идейного наполнения советской литературы — для произведений второй половины века характерны библейские реминисценции, темы вины и ответственности, рефлексии и покаяния, нравственного выбора. Следует оговориться, что религиозные мотивы и темы никогда полностью из русской литературы не исчезали, однако во второй половине века они встречаются чаще. Как писал А.Л. Казин, «Советский Союз <...> унаследовав народную энергетику тысячелетней православной традиции, принес в середине XX века плод победы над самой страшной антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь в истории. Советская власть оказалась русифицирована, и в 1960–1970-х годах вполне могла стать национальной властью»².

Энергетику православной традиции впитала, конечно, не только власть, но и литература — важнейшая часть русской культуры. Она оказалась настолько внутренне сильной, что, впустив в себя революцию и переболев ею, осталась, в сущности, самой собой. Незыблемыми остались такие специфические черты русской культуры, как пафос долженствования и небрежение настоящим, нестяжательное отношение к материальным благам и др. Метаморфозы в советском искусстве второй половины XX века отразили специфику русского осмысления модерна — «обрусение» социалистической модернизации, гармонизацию ее отношений с христианским ядром культуры.

3. Общая характеристика постсоветской литературной ситуации

Преодоление установок модерна в конце XX века имело и другую направленность — игровое смещение и отрицание всевозможных (в том числе и религиозных) культурных ценностей — постмодерн. Необходимо отметить, что литературные постмодерн и постмодернизм следует различать: второй термин обозначает

² Казин А.Л. Homo Russicus. — СПб.: Алетейя, 2014. — С. 191.

совокупность формальных и содержательных признаков³, присущих бесценностной философской парадигме, но не всегда выражающий ее (например, в постмодернистской поэме В. Ерофеева «Москва—Петушки» (1969) обозначена вполне конкретная нравственная вертикаль). Однако в большинстве случаев постмодернистская литература выражает идеи нравственного релятивизма и потому по своей сути является антирелигиозной. Появившееся в СССР в 60–70-х гг. искусство постмодерна стало повсеместно распространенным в период перестройки («Государство, праздная грядущее самоубийство, выжило бесноватую литературу разрушителей» (М. Елизаров, «Библиотекарь», 2007)). Эта тенденция усиливалась разрухой практически во всех сферах жизни общества.

На постперестроечную литературу основное влияние оказывают тенденции переосмысления опыта модерна. Высокий авторитет классической традиции сохраняется, но не играет ведущей роли. Кроме того, специфика нынешней литературной (и социокультурной) ситуации определяется нарушением преемственности, возникшим в результате экономических, политических и других потрясений, вызванных развалом Советского Союза. Под влиянием внешних факторов искусство слова утратило то огромное влияние на общество, которое имело прежде: Российская Федерация не является самой читающей страной в мире, каковой был в свое время СССР. В связи с исчезновением государственной поддержки литературы многократно уменьшились тиражи литературной периодики и масштабы деятельности писательских организаций, упал престиж писательства, резко понизилась популярность чтения как такового. Современные издатели (равно как и продюсеры, галерейщики и т.д.) готовы вкладывать свои средства только в то начинание, которое с высокой вероятностью окупится, потому процветает массовое производство арт-товаров, развлекательных информационных продуктов, ориентированных на предсказуемые вкусы обывателей. Религиозные темы и мотивы в коммерческой литературе возникают чаще всего в качестве предмета обыгрывания (например, «Евангелие от Магдалины» В. Попова, 2013).

Можно условно выделить две стратегии намеренного использования христианской тематики в коммерческой литературе. Первая связана с эксплуатацией читательского пиетета к религии: «Для современной литературы библейские мотивы <...> это знак того, что автор говорит серьезно: шутки в сторону, мы поговорим о вещах, которые касаются вас всех»⁴ (Ю. Илдис). Вторая стратегия основана на постмодернистской беспардонной вольности в обращении с любыми константами культуры, высмеивание: «Возможны любые, самые не только критические, а просто разнузданные шутки по поводу Библии и в кино, и в литературе. <...> Что же касается того, как это используется, лучше всего об этом говорил Битов в «Пушкинском доме»: это сверхэксплуатация, истощение природных ресурсов»⁵ (А. Ковельман). Конечно, в обоих случаях говорить о глубоком значении, присущем религиозным темам и мотивам, не приходится.

Снижение уровня культуры неразрывно связано с превращением искусства в коммерческую индустрию, а реципиентов — в стадо, которым легко управлять. Современная элитарная литература, чтение которой является не столько развлечением, сколько душевной работой, литература, формирующая взгляды челове-

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. Николюкина А.Н. — М.: НПЦ «Интелвак», 2003. — С. 764. — Институт научной информации по общественным наукам РАН.

⁴ Библейские сюжеты в современной русской литературе. Круглый стол 21.08.2005. Ведущая: Елена Фанайлова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/127067.html> (дата обращения: 17.10.2014).

⁵ Там же.

ка, а не отвечающая на существующие запросы, оказалась в противоестественной для нее ситуации рыночной экономики и, не выдерживая конкуренции с литературой коммерческой, заняла, по большей части, нишу андеграунда. В современной русской литературе есть несколько общеизвестных имен и огромное множество малоизвестных авторов, художественные достоинства творчества которых зачастую не менее значительны.

На фоне оговоренных ранее негативных факторов в последние годы в России наблюдается оживление литературного процесса за счет непрофессиональных авторов. В критике их называют «людьми говорящими»⁶, «хомо скрибенс», «ньюрайтерами»⁷, «креативщиками»⁸ и т.д. «Креатив — это форма досуга, доступная каждому: у кого есть фотоаппарат, тот фотограф, у кого есть фотошоп, тот дизайнер (соответственно, поэтом может назваться каждый носитель языка). Современный человек с кризисом идентичности видит отдушину в самодеятельности»⁹. «Мода на писательство» возникла во многом благодаря возможности распространения текстов через интернет, сыграла свою роль и возможность издать абсолютно любую книгу, просто оплатив технический процесс печати. Такая вседозволенность приводит к тому, что недостаточно образованные и начитанные, не талантливые, но активные авторы имеют возможность достичь определенной популярности. Однако всплеск дилетантизма в конечном итоге имеет и положительное значение: наиболее целеустремленные и талантливые дилетанты становятся профессионалами, творчество прочих практически не имеет шансов пережить своего автора (дилетанты и эпигоны были и в предыдущие эпохи, сейчас их имена известны только специалистам). Разрыв культурной преемственности и естественная тяга человека к самовыражению — два фактора, породивших поколение литературных креативщиков. Религиозные темы и мотивы возникают в их творчестве, как правило, спонтанно, демонстрируют отъединенность от религиозной традиции и выражают духовную потерянность.

4. Поэзия: жажда высшего смысла

Потерянность и поиск твердой нравственной основы — характерная для отечественной литературы начала XXI века тема, отраженная не только в текстах креативщиков, но и в творчестве профессиональных авторов. Современный ценностно-дезорientированный, но не способный примириться с идеологическим климатом эпохи русский человек часто сомневается и заблуждается, однако с религиозной точки зрения он может быть «холоден, или горяч», а не «тепл» (Откр. 3:14). Оторванные от традиции и страдающие от этого люди именно в силу бездуховных тенденций современности могут стать искателями истины. Неприятие существующей реальности как неподлинной — характерная черта русского менталитета: «Русские противопоставляют всякому наличному порядку пафос долженствования»¹⁰. Нынешняя действительность с характерным для нее культом комфорта и успеха не может не вступать в конфликт с человеческой тоской по идеалу, жаж-

⁶ Павлова Н.А. Антихристианская книга. Размышления православной христианки над книгой Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // Благодатный огонь [Электронный ресурс]. — 4 мая 2009 г. — С. 23. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/37472.htm> (дата обращения: 10.08.2014)

⁷ Чабан О. Утерянная связь времен: критика. — СПб.: Реноме, 2014. — С.3.

⁸ Круглов Р.Г. Грани. Сборник статей. — СПб.: АПИ, 2013. — С. 35.

⁹ Библийские сюжеты в современной русской литературе. Круглый стол 21.08.2005. Ведущая: Елена Фанайлова [Электронный ресурс]. — С.35. — Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/127067.html> (дата обращения: 17.10.2014).

¹⁰ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. — М., 2003. — С. 446.

дой высшего смысла, устремленностью к начальным и конечным основаниям бытия.

Разительный контраст между наличествующей реальностью и «тем, как должно быть», обуславливает не только смысловые, но и некоторые стилистические особенности нынешней русской словесности. Современной литературе свойственно сочетание подчеркнуто разнотипных элементов; этот простейший в своей основе художественный прием систематически встречается при возникновении в тексте религиозных мотивов. Непосредственное сопоставление отсылки к религиозным смыслам со стилистически сниженной лексикой и антиэстетическими образами — распространенная тенденция в современной литературе, особенно часто встречающаяся в поэзии: «... Ты дал мне, Боже, пищу эту и в утреннюю новь воздвиг, / мой коснеющие лета продлив на непонятный миг. // Ты веришь мне, как будто Ною. И, значит, я не одинок. / Мне боязно. Но я не ною. Я вслушиваюсь в Твой манок, // хоть совесть, рвущаяся в рвоту, страшным-страшна себе самой. / Отправь меня в Шестую роту — десанту в помощь — в День седьмой! // Мне будет в радость та обновка. И станет память дорога, / как на Нередице церковка под артобстрелом у врага» (С. Минаков, 2014). Данный пример типичен в отношении грубости слога современных «креативщиков» и безыскусного пафоса, с которым антиэстетические образы противопоставляются религиозным. Несмотря на всю художественную «необязательность», в плане содержания в приведенном тексте возникает тема неприятия существующей реальности и русский эсхатологический мотив жажды страдания как высшего удела. «И мама у плиты варила борщ, / И кухню разьедал капустный запах, / И я стоял, не зная, чем помочь. / И тетя Нюра умерла внезапно, // И весь подъезд давал — кто сколько мог, / Но каждый думал: «Вот нашла же время», / И дядя Петя, что вчера сломал замок / На домофоне, извинялся перед всеми, // Избитый, пьяный — страшный, а потом / Спускался, с крыльца свалился в грязь, / И ангел, помрачнев, взмахнул крылом, / И вечность в зеве растворила пасть, / И было сказано: “Вы че, совсем, алле?” / И ангел вострубил, / И понеслась» (И. Асланов, 2012). Во втором приведенном примере тема нестерпимой пошлости повседневной жизни раскрыта проще и при этом глубже, в данном случае стилистика работает на художественное целое. Лирический субъект как бы вынужден юродствовать — для того, чтобы говорить искренне: поднятая им тема настолько серьезна и значительна, что он не находит для ее выражения достойных слов и прибегает к сниженной лексике, помогающей хоть как-то выразить переполняющие его чувства.

Характерно, что более профессиональные и маститые авторы, как правило, используют религиозные мотивы не столь явно и осмотрительнее подбирают контрастирующие с ними элементы текста: «Длится странная жизнь непрерывной попыткой / Оказаться не здесь. / Ты бежишь, как клубок. Кто-то тянет за нитку. / Размотаешься весь, / Изменяя маршрут на ухабах событий / И теряя объем. / Так клубок постепенно становится нитью, / Находившейся в нем. / Так себя разворачиваешь до основы. / По сигналу «отбой» / Ты, бегущее вдаль голосящее слово, / Снова станешь собой» (Е. Иванов, 2012). В стихотворении Е. Ивановой также показана трагическая неудовлетворенность насущным бытием и тяга к подлинному. Автор прибегает к развернутой метафоре, избегает буквального описания духовных переживаний и жизненных перипетий, в таком поэтическом замысле стилистически сниженной лексике нет места. Человеческая жизнь в стихотворении мыслится как испытание, высказано представление о том, что чистилище — на земле. Акцент сделан не на греховности, а на высшем смысле; вера в то, что несовершенная жизнь представляет собой путь к жизни совершенной, обуславливает возможность принятия существующего порядка вещей.

В наши дни пишется огромное количество стихотворений, буквально выража-

ющих христианские смыслы, для литературы такого рода характерна прямая догматичность: «Не мстят святые, и не мстит Господь, / Лишь вразумляют в меру покаянья / И воздают за кротость и старанье, / И за стремленье грех перебороть. // Но, хоть немало жертв принесено, / За каждый грех ответим полной мерой, / Пока не обретем живую веру, / Хотя бы с то, горчичное зерно...» (Е. Шантгай, 2011). В приведенном примере поэтическое решение темы минимально, однако это не медитативная скупость речи (как в стихотворении Е. Ивановой), а довольно многословное гладкое, но логически не безупречное поэтическое горевание. Такого рода лирика характеризуется четко определенной и относительно ясно сформулированной авторской позицией, по отношению к которой эстетическое начало вторично; такая литература не выражает современного отношения к поднятым вопросам, поскольку на них предлагаются заранее готовые ответы.

Сложно говорить о новизне применительно к литературе XXI века, тем более что предмет нашего рассмотрения — темы вечные. Однако вневременной характер религиозной проблематики определяется, помимо прочего, ее остротой и важностью для человека любой эпохи; вневременность литературы — это ее вечная живая современность, адекватности текущему моменту. «Врачи сказали: обречен. / Напротив церкви жду травая. / Крестом, как будто бы ключом, / Мне купол небо открывает. // Переполюняют свет и грусть / от звона с ветхой колокольни. / И я растерянно топчусь, / зачем-то кепку мну в ладони» (А. Захаров, 2009). В этом стихотворении А. Захарова (поэта, ушедшего из жизни после тяжелой болезни в возрасте 37 лет) пронзительность достигается за счет простой точной образности и реалистичности (психологизма). Современный человек даже перед смертью не может преодолеть барьер социальной привычки, научной (атеистической) картины мира и ее предрассудков, отделяющей его от веры — барьер смехотворный перед лицом того великого и страшного, что ждет человека в конце жизни, и оттого еще более трагической. Такая поэзия остро современна и именно поэтому может стать «вечной». В стихотворении христианская позиция автора не высказана — этот пример показывает, что и в отношении религиозной проблематики художественная достоверность воздействует на читателя сильнее последовательного догматизма.

В лирических стихотворениях религиозные смыслы возникают во внутренней речи лирического субъекта и потому непосредственно и субъективно показывают духовные переживания человека. Самой характерной для начала XXI века их чертой является неудовлетворенность окружающей действительностью и поиск твердой нравственной основы. Проза ставит перед собой другие задачи и, соответственно, в интересующем нас аспекте ей свойственны другие специфические черты.

5. Проза: поиск положительного героя

В нынешней литературной ситуации, когда постмодернистская ирония уже не обладает свойством новизны и воспринимается как доставшийся по наследству атрибут предыдущей эпохи, есть необходимость создания нового пафоса утверждения. Масштабного оригинального течения современное искусство еще не породило, отдельные попытки его создания (такие как «вневизм» А. Филимонова или «обэриусенсюрреализм» С. Николаева) носят локальный характер, в отношении художественных принципов эти течения, несмотря на декларируемую оригинальность, являются синтетическими. При этом сама неоднозначность идеологической обстановки в России подталкивает художников к поиску ценностных ориентиров, адекватных сегодняшнему дню, современная литература ставит перед собой задачу их сформулировать. В связи с этим чрезвычайно актуальной становится проблема современного положительного героя, в контексте религиозной проблематики — современного праведника. Задачей создания такого героя занима-

ется в основном роман — наиболее востребованная в наши дни литературная форма. Такой своеобразный жанр, как современное «житие праведника», дает возможность писателю сообщать устами положительного героя собственные воззрения и предполагает огромную ответственность писателя за высказанные таким образом положения.

В романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» (2006) в центре фрагментарного (эпистолярного, дневникового, псевдодокументального) повествования находится фигура Даниэля Штайна, все сюжетные линии так или иначе связаны с его судьбой — и все вопросы, которыми задаются другие герои, находят прямые или косвенные ответы в его словах и поступках. Первая часть книги посвящена главным образом формированию авторитета главного героя — это смелый, благородный человек, герой войны, спасший 300 узников гетто, жертвуя собственной жизнью. В христианстве Даниэль находит для себя своеобразную теодицею («И тогда мне открылось, что *Бог был вместе со страдающими. Бог может быть только со страдающими и никогда — с убийцами*») и принимает крещение. После войны Даниэль Штайн — монах, католический священник еврейского происхождения, руководящий организованной им христианской общиной (с богослужением на иврите) в Израиле. Л. Улицкая изображает своего героя человеком умным, прозорливым, невероятно способным к изучению языков, мужественно преодолевающим многочисленные трудности; в его характере сочетаются альтруизм и жизнелюбие, честность и скромность. Автор наделяет брата Даниэля мелкими недостатками, которые делают его образ более правдоподобным и за счет этого еще более привлекательным. Однако размышления «праведника» о вероучении (с которым он по роду своей деятельности должен быть хорошо знаком) показывают его элементарную некомпетентность в толковании Священного Писания. Устами героя говорит сам автор, не озаботившийся детальным изучением Нового Завета (многочисленные конкретные грубые ошибки указала в своем отзыве о романе Н.А. Павлова¹¹). В романе, тем не менее, присутствует определенная «доказательная база», обеспечивающая художественную убедительность. Прежде всего, это детальное описание тяжелых человеческих судеб, направленное на педалирование темы страданий еврейского народа, вины других народов перед евреями и идеи их богоизбранности; усилия же по изучению христианства, по-видимому, были направлены на то, как его нагляднее дискредитировать.

Л. Улицкая называет своего героя переводчиком, чтобы подчеркнуть, что он соединяет людей — герой мечтает о единении всех ветвей христианства, о прекращении между ними разногласий, которые, по его мнению, противоречат духу христианства. При этом Штайн стремится к тому, чтобы «евреи-христиане <...> могли вернуться в Израиль, и восстановилась бы церковь Иакова...»: прообразом предполагаемой подлинной христианской церкви мыслится церковь еврейская. Герой признается в том, что главный для него вопрос — «во что веровал наш Учитель?»; основы истинного христианства брат Даниэль ищет в еврейских источниках о жизни исторического Христа и его современников. В тексте многократно говорится о том, что для священника Штайна Иисус — это именно историческое лицо, один из видных деятелей своего времени, а не Сын Божий. Размышляя в таком ключе, герой Л. Улицкой переходит от идеи единения конфессий под знаком еврейства (как якобы недостающего элемента христианства) к отрицанию христианства вообще и особенно — православного («Такая духота, такая тошнота в христианстве!

¹¹ Павлова Н.А. Антихристианская книга. Размышления православной христианки над книгой Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // Благодатный огонь [Электронный ресурс]. — 4 мая 2009 г. — С. 23. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/37472.htm> (дата обращения: 10.08.2014)

<...> ничего не поделаешь, на Западе церковь слита с культурой, а в России — с бескультурьем»). Велика вероятность того, что «хорошо обработанный» первой частью книги читатель с радостью примет и эту «новую истину» в конце.

Запутанный сюжет романа, систематическая игра на жалости, пропаганда терпимости — все это делает книгу опасной, искусно сделанной ловушкой для неподготовленного читателя. «Книга обращена к большому числу неискушенных людей, только нащупывающих дорогу к Храму, весьма слабо знакомых с Библией, еще не разбирающихся в тонкостях христианского вероучения. Этим людям она может нанести и уже наносит непоправимый вред, отвращая их от Храма»¹². Религиозные темы в романе Л. Улицкой функционируют как маркер: они привлекают внимание читателя своей серьезностью, но становятся предметом спекуляции на неискущенности реципиента. В других книгах автора в интерпретации христианских тем и мотивов видна та же «религиозная» некомпетентность; имеет место подмена понятий, которая совершается при помощи заранее созданного авторитета героя. Например, в романе «Медея и ее дети» (1996) главная героиня, мудрая, глубоко нравственная христианка, неточно вспоминает евангельскую фразу «Дух веет, где хочет» (Ин. 3:8), когда узнает о физической неспособности к убийству знакомого мужчины, который сам стыдится этого, как болезни. Поверхностное отношение автора к Библии вкупе с псевдоавторитетностью высказывания приводит к грубому искажению христианских смыслов и использованию религии для утверждения собственных взглядов.

К историям о «современном праведнике» можно отнести роман А. Иванова «Географ глобус пропил» (2003), в котором, в определенном смысле, используется противоположная описанной выше литературная стратегия. Автор не создает вокруг своего героя ореол праведничества (как в предыдущем примере), Виктор Сергеевич Служкин изображается как герой чуть ли не авантюрный, как персонаж анекдотов, на которые похожа его жизнь. Нравственный облик Виктора неоднозначен: жена презирает его за то, что он пьет, бездельничает и совершенно не соответствует ее (и общепринятым) представлениям о том, каким должен быть мужчина, — Служкин не предпринимает никаких попыток повысить свой социальный статус и благосостояние. При этом Географ — остроумный краснбай, отчаянный фантазер и врун (но вранье его безобидно и не преследует практических целей); вкупе с вышесказанным это создает образ инфантильного человека. Однако Служкин — учитель (и, как выясняется ближе к концу книги, авторитет в глазах своих учеников), заботливый отец, преданный друг. Ключ к пониманию характера Географа дает скрытая за его поведением нравственная позиция — Служкин противопоставлен успешным, приспособленным к миру героям (Будкину, Кире и др.) своей нестяжательностью, бескомпромиссной честностью, способностью к самоотречению. Географ переступает через общепринятые нормы поведения (как Федор Протасов в пьесе «Живой труп», потворствует роману своей жены со своим другом и др.), руководствуясь собственным представлением о том, как нужно жить. Жизненные перипетии Служкина — смешные ситуации, в которых он систематически оказывается в невыгодном положении, являются следствием того, что герой старается поступать в соответствии со своей внутренней правдой (хоть и не всегда с этим справляется). Это и позволяет отнести роман А. Иванова к жанру, вырабатывающему современный тип положительного героя — «праведника».

Географ говорит о себе: «...у меня все так получается, потому что я не могу по-другому?.. Нет. Просто я хочу жить, как святой». Важно то, что Служкин не святой и не считает себя святым, а стремится к определенному им идеалу: «...это когда ты никому не являешься залогом счастья и когда тебе никто не является зало-

¹² Там же.

гом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже. Совершенная любовь <...> Библия». Трактовка вероучения довольно смелая, однако существенно то, что роман ничем внешне не претендует на историю о современном святом — книга показывает человека, старающегося следовать этическим принципам вопреки жизненным обстоятельствам. При этом важнейшим качеством героя, показателем его нравственной зрелости является «умение терять», к которому в финале приходит и его жена, отказавшаяся от любви («Есть ребенок, дом, какой-никакой муж — в общем, видимое нормальное жизни, ну и достаточно этого»). Успешным, уважаемым современным людям (героям, позволяющим себе быть эгоистами) противопоставлены герои, способные смиряться, поступать вопреки своим желаниям, в этом отношении роман наследует русской классической литературе и утверждает традиционные для русской культуры ценности.

Создание положительного героя, особенно на современном материале, — чрезвычайно сложная задача. Вероятно, поэтому в романе Е. Водолазкина «Лавр» (2013), в котором создан образ русского праведника, автор обращается к обстановке Руси XV века. При этом «Лавр» — постмодернистское произведение, совершенно не маскирующееся под старинную литературу, а обыгрывающее некоторые ее характерные особенности. В романе древнерусская лексика часто соседствует с современной, иногда ярко маркированной; такое сопоставление разностилевых элементов ориентировано на «стирание границ» между эпохами: идея об относительности и несущественности времени — одна из ключевых в книге. Соответственно, судьба праведника разворачивается вне времени, всегда — это и позволяет соотнести главного героя и с нашей эпохой тоже.

Четырежды меняющий имена в течение жизни врач Арсений (он же юродивый Устин, монах Амвросий, Схимонах Лавр) постоянно встречается с другими праведниками (людьми, живущими по преимуществу духовной жизнью), его судьба и мысли отражаются в других героях — вставший на путь самоотречения герой проживает за свою жизнь множество жизней. Не только время и человеческая самость, но и пространство, и материя в книге неоднократно показываются как относительные, безотносительны только Бог. Многочисленные философские размышления о духе и плоти, свободе и ответственности, грехе и покаянии развиваются в романе в этом же ключе; поражающая иностранцев иррациональность русской жизни («А сами вы ее понимаете? <...> Сами мы ее, конечно, тоже не понимаем») рассматривается как прямое следствие того, что жизнь эта подчинена высшему закону и больше ничему. Высказанные в романе идеи в основном лежат в русле русской религиозной традиции, однако Е. Водолазкин создает не нового, а подчеркнуто вневременного русского праведника, многочисленные элементы фантастического в книге подчеркивают идеальный характер главного героя и всего происходящего. Потому «Лавр» (в отличие от предыдущих примеров) читается как умная, глубокая, но не вполне соотносимая с сегодняшним днем книга, как постмодернистская сказка о русском человеке, каким он должен быть.

6. Значение религиозной позиции в современной литературе

Судить о русской литературе начала XXI столетия сложно уже ввиду того, что она находится в стадии становления — это живой, полный противоречий процесс. Отсутствие необходимой для анализа временной дистанции обуславливает и сумбурность отбора материала, и общий характер сделанных выводов — остается надеяться, что затронутая в этой статье тема будет подробно исследована в дальнейшем. Ее значительность поддерживается неустойчивостью идеологической ситуации в России (в наши дни остро стоит проблема национальной и культурной иден-

тичности, в сохранении которой важнейшую роль играет искусство, в том числе современное). Поднятая в статье тема не только актуальна — ее условно можно назвать «вечной», поскольку христианские смыслы всегда присутствовали в русской литературе, и нынешний этап ее развития — не исключение.

Выделенные в ходе беглого анализа отдельные тенденции в интерпретации религиозных тем и мотивов (рассмотренные на примере небольшого количества конкретных произведений), конечно, не дают представления о картине в целом. Некоторые из упомянутых в статье произведений, да и сами выделенные тенденции заслуживают отдельного подробного изучения; настоящая работа — не более чем обзор (критического, а не научного характера). Однако попробуем на основании этого обзора вывести (с высокой степенью обобщения) типологию современной литературы с точки зрения реализации в ней христианских смыслов. Используя в качестве дифференциального признака высказываемое в произведении отношение к религии, условно можно разделить современную русскую литературу на четыре группы:

1. Литература с явно и однозначно зафиксированной религиозной позицией. Такие произведения зачастую посвящены темам веры и культа, в них используется соответствующее семантическое поле образов. Основным недостатком большей части такой литературы является вторичность эстетического начала по отношению к собственно религиозному. Это снижает уровень художественной убедительности, вследствие чего круг потенциальных читателей сужается до воцерковленных или специально интересующихся затрагиваемыми вопросами людей (например, К. Зиновьев «В дальние стороны», 2004; Е. Челпанова «Унывающий батюшка», 2011; И. Ордынская «Отречение», 2013).

2. Литература с религиозным подтекстом — наиболее эстетически яркая и наиболее открытая для современного читателя, ищущего нравственную почву. Христианские смыслы в таких произведениях, как правило, не являются заранее заданной доминантой (как в предыдущей условной группе) — такая литература не поучает, а наталкивает на размышления; зачастую это литература сомневающихся. Недостатком ее можно назвать иногда слишком смелую интерпретацию христианских смыслов, они могут быть искажены, в том числе, весьма значительно (например, А. Иванов «Географ глобус пропил», 2003; А. Битов «Оглашенные», 2004; Е. Каминский «Пиршество живых», 2012).

3. Литература, не выражающая религиозную позицию (иногда — атеистическая, агностическая литература). Христианские мотивы возникают в ней, как правило, только в силу их укорененности в культуре; высказываемые в этих произведениях позиции в основном предполагают разумный пиетет по отношению к религиозной традиции или не касаются ее вовсе (например, П. Санаев «Похороните меня за плинтусом», 1994; А. Покровский «Кот», 2002; Т. Толстая «Кысь», 2000).

4. Литература, утверждающая антихристианские принципы или ценностный релятивизм. К этой группе относится большая часть постмодернистских произведений, религиозные мотивы в них отсутствуют или становятся предметом обыгрывания и, будучи поставленными в соответствующий контекст, теряют свой возвышенный смысл — по сути, осмеиваются (например, Е. Мякишев «Огненный фак», 2009; В. Сорокин «Голубое сало», 1999; И. Денежкина «Дай мне», 2002).

Предлагаемая типология далеко не универсальна, но такое разделение показательно в отношении идеологического влияния искусства слова на жизнь общества. Это влияние определяется идейным содержанием литературы, важнейшим компонентом которого являются религиозные темы и мотивы. Постигая их роль и значение, их интерпретации в современных произведениях, мы приближаемся к пониманию культурологической специфики современного русского человека, которое необходимо для оценки существующей социокультурной обстановки и выяснения возможных перспектив ее развития.